ВОСПОМИНАНІЯ ЕВРОПЕУСА

о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ графу Аракчееву.

Въ изданныхъ М. И. Семевскимъ книгахъ: 1) «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.» (Спб., изд. 1870 г.), и 2) «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1816—1831 гг.» (Спб., 1871 г.) [1]), была упомянута моя фамилія, въ первой—сыномъ командира короля прусскаго полка Чевакинскимъ, а во второй—старшимъ священникомъ того же полка П. В. Воиновымъ. Это подало и мнѣ мысль сообщить мало кому извѣстныя черты характера графа Аракчеева, относящіяся лично ко мнѣ или занимаемой мною должности и могущія служить дополненіемъ будущей біографіи столь сильнаго государственнаго дѣятеля, равно и дополнить пропущенные факты о бунтѣ военныхъ поселянъ короля прусскаго полка. Разсказъ мой не вымышленъ, а основанъ на фактѣ и документѣ. Для объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ не лишнимъ полагаю сообщить, что по опредѣленіи меня въ 1820 году въ гренадерскій корпусъ, прикомандированъ я былъ къ госпиталю графа Аракчеева полка, оттуда назначенъ объѣзднымъ врачемъ поселеннаго баталіона короля прусскаго полка, а впослѣдствіи и старшимъ лекаремъ полка.

Въ бытность мою объѣзднымъ врачемъ, я имѣлъ возможность познакомиться не только съ бытомъ поселянъ, ихъ семейными отношеніями, нуждами, но и съ тяжелыми работами, какъ самыхъ поселянъ, равно резервныхъ войскъ, назначенныхъ для обработки

[1]) Первая изъ этихъ книгъ распродана до послѣдняго экземпляра, вторая—осталась въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ред.

полей. Работы сіи были столь обременительны для солдатъ, помѣщенныхъ въ сырыхъ мазанкахъ и непривыкшихъ къ рубкѣ лѣса, осушкѣ болотъ, выворачиванію пней и камней до глубокой осени, что, несмотря на сытную пищу и графскую чарку водки, больныхъ было много; большая часть страдала лихорадками, поносомъ, цынгою, водяною и куриною слѣпотою. Смертность была значительна. Солдаты хотя и роптали, но съ работъ возвращались съ пѣснями и бубнами въ угожденіе начальству; за то ночью раздавались по всему лагерю стоны и оханье, ибо, по неимѣнію печей въ мазанкахъ, солдатамъ негдѣ было грѣться, тѣмъ менѣе сушить обувь и платье. Мнѣ помнится, что между офицерами ходили стихи подъ заглавіемъ: Политическая Сибирь или работа за гривну, а о женщинахъ-поселянкахъ сказано было: и за цѣну разврата покупали себѣ соль.

Обязанность моя, какъ объѣздного врача, состояла въ ежедневномъ осмотрѣ всѣхъ жителей округа, номѣщенныхъ въ болѣе 300 связяхъ, на разстояніи 30-ти верстъ. Что обязанность сія была не легка, поймётъ каждый, кому бы пришлось, несмотря ни на какую погоду, вязнуть нѣсколько разъ въ грязи, ибо шоссированныхъ дорогъ тогда еще не было, нѣсколько десятковъ разъ подниматься въ мезонины для осмотра заболѣвшихъ нижнихъ чиновъ или кантонистовъ и не быть увѣреннымъ, что тебя и ночью могутъ потребовать къ внезапно заболѣвшимъ или родильницамъ. Для этой цѣли находилась безотлучно пара лошадей при объѣздномъ врачѣ.

Не знаю, по какой причинѣ графъ особенно полюбилъ короля прусскаго полкъ и по недѣлямъ проживалъ въ любимой, для него передѣланной связи 3-й поселенной роты у Лажитовскаго моста, выстроеннаго производителемъ работъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Львовымъ, впослѣдствіи директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Здѣсь онъ разговаривалъ съ бабами, слушалъ ихъ сплетни, заходилъ къ поселянкамъ во время отсутствія хозяевъ. Возвращаясь разъ осенью изъ бывшихъ саперныхъ ротъ, близъ мызы графа Сперанскаго, мимо связи, я взглянулъ по обыкновенію на окна и увидѣлъ, что графъ не только машетъ мнѣ рукою, но и стучитъ въ оконную раму. Я подумалъ: бѣда, вѣроятно какой-нибудь недосмотръ съ моей стороны, или со стороны фельдшера; я оробѣлъ и нельзя было не испугаться при тогдашнихъ строго-

стяхъ, но дѣлать было нечего, нужно было явиться. Очистивъ свою обувь отъ грязи, я вошелъ по заднему крыльцу въ пріемную залу. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ въ пріемную вошелъ дежурный адъютантъ и спросилъ: «Что мнѣ угодно?» Когда я разсказалъ въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ доложилъ обо мнѣ графу, и возвратившись сказалъ: «графъ приказалъ вамъ ждать». Адъютантъ, замѣтивъ мое разстроенное лицо, спросилъ:

— «Все-ли у васъ въ порядкѣ, ибо графъ прогуливался еще рано утромъ и вѣроятно заходилъ въ нѣкоторыя связи, гдѣ вы можетъ не были и больнымъ не было дано помощи?»

Но каково-же было мое удивленіе, когда дверь кабинета отворилась и графъ, съ довольно веселымъ видомъ, кланяясь мнѣ оттуда, сказалъ:

— «Я, братецъ ты мой, былъ сегодня у тебя, желалъ съ тобою поближе познакомиться, но жаль, что не засталъ тебя дома.

Славу Богу, подумалъ я, а то быть бы на гауптвахтѣ.

— «Я слышалъ, что ты поселянъ бережешь и о нихъ заботишься; служи, какъ ты служилъ и я тебя не забуду. Прощай!»

Графъ исполнилъ свое обѣщаніе, ибо къ новому году я награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ. Возвратившись съ облегченнымъ сердцемъ домой, встрѣтилъ меня деньщикъ и передалъ, что послѣ моего отъѣзда, т.-е. около 6-ти часовъ пополуночи зашелъ никѣмъ незамѣченный графъ и спросилъ:

— «Дома ли лекарь?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство; ибо баринъ мой давно уже уѣхалъ и ранѣе сумерекъ не возвратится.

— «Ты, братецъ, врешь, вѣроятно твой баринъ и дома не ночевалъ, а у кого-нибудь въ карты играетъ!»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, барину некогда въ карты играть.

Получивъ такой отвѣтъ, онъ спросилъ:

— «А что у васъ тамъ въ мезонинѣ?»

— Аптека.

— «Веди меня туда!» и заставъ тамъ засаленнаго аптекарскаго ученика за работою, спросилъ обо мнѣ, и получивъ подобный же отвѣтъ сказалъ: «какъ же ты, братецъ, лжешь, когда деньщикъ мнѣ передалъ, что лекарь и дома не ночевалъ!»

— Деньщикъ не правъ, ваше сіятельство, ибо лекарь уже давно

уѣхалъ и по его рецепту я приготовляю лекарство въ 91 №, — былъ отвѣтъ засаленнаго фельдшера.

Графъ вообще не любилъ щеголей, полагая, что подобные люди плохіе работники и занимаются болѣе своею персоною, нежели дѣломъ. Поблагодаривъ деньщика за найденный уже такъ рано порядокъ въ комнатахъ, отправился дальше, не заходя въ другую половину связи, гдѣ жилъ священникъ Воиновъ, не желая безпокоить семейнаго человѣка такъ рано.

Нѣсколько времени спустя, пришлось мнѣ посѣтить одну больную поселянку, которая меня спросила:

— «Помните-ли, ваше благородіе, когда вы, съ недѣлю тому назадъ, проѣзжали здѣсь мимо, взглянули на окно и я вамъ кланялась?»

— Очень хорошо помню, но что же?

— «А болѣе ничего, что въ это время стоялъ графъ за моей спиной и спросилъ: кому я такъ низко кланялась? «Нашему лекарю, ваше сіятельство. Дай Богъ ему доброго здоровья, онъ насъ лечитъ и бережетъ!»

Этотъ маловажный случай былъ причиною посѣщенія графомъ моей квартиры и послужилъ мнѣ рекомендаціей, ибо не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я назначенъ былъ старшимъ лекаремъ короля прусскаго полка.

Графъ былъ, несмотря на его многосложныя обязанности, сопряженныя съ необыкновенною дѣятельностью и безсонными ночами, страстно мелоченъ не только по службѣ, но и въ домашнемъ быту; онъ имѣлъ подробную опись вещамъ каждаго изъ его людей, начиная съ камердинера и кончая поваренкомъ или конюхомъ. По этимъ спискамъ повѣрялъ онъ каждый годъ все имущество, при[illegible] кое-что передѣлать, починить или вовсе уничтожить. Мелочность эта по службѣ была даже несносна; такъ при устройствѣ госпиталя короля прусскаго полка, который долженъ былъ быть образцовымъ, графъ самъ показывалъ какъ поставить кровати, куда скамейки, гдѣ долженъ быть ординаторскій столикъ съ чернильницею и даже какого формата должно быть перо, т.-е. безъ бородки, въ видѣ римскаго Calamus. Хотя графъ и былъ увѣренъ, что его приказанія исполнялись съ точностью, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ самъ во всемъ удостовѣриться, и зайдя нѣсколько дней спустя въ палату съ полковникомъ Чевакинскимъ, замѣтилъ

на подставкѣ для чернильницы брошенное испугавшимся фельдшеромъ перо съ бородкою; призвавъ къ столу полковника и меня, онъ сдѣлалъ намъ замѣчанія, а фельдшеру приказалъ дать пять розогъ.

Отъ проницательнаго взгляда графа не ускользали и безпорядки въ квартирахъ чиновниковъ. Такъ однажды, подходя къ дверямъ квартиры смотрителя Фарафонтьева, почувствовавъ что-то мягкое подъ ногой, приказалъ дежурному унтеръ-офицеру поднять матъ передъ дверями, и найдя подъ нимъ соръ и пыль, нахмурилъ брови; призвавъ къ себѣ г-жу Фарафонтьеву, сдѣлалъ ей родъ выговора, въ надеждѣ, что подобныхъ ужасныхъ безпорядковъ впредь не найдетъ. Еще примѣръ мелочности: какъ-то разъ получилъ я, по приказанію графа, выговоръ отъ дежурнаго штабъ-офицера за то, что мой суточный рапортъ подписанъ былъ не четкою рукою.

Вотъ какими мелочами занимался государственный человѣкъ, но онъ хотѣлъ показать, что его хватитъ на все, и не мудрено, что графъ мучился тоскою и біеніемъ сердца: болѣе 4—5 часовъ онъ не спалъ. Къ такой же дѣятельности пріучилъ онъ и начальника штаба, генерала Клейнмихеля, котораго онъ иногда такъ обременялъ работами, что ему часто вовсе не удавалось ложиться спать, а наклонившись къ пюпитру могъ только вздремнуть. Чѣмъ же наградилъ онъ Петра Андреевича за такую дѣятельность? У графа обѣдали ровно въ часъ и за нѣсколько минутъ до обѣда собирались всѣ въ пріемную, въ томъ числѣ и Клейнмихель; но каково же было его удивленіе, когда подошедшій къ нему камердинеръ объявилъ, что «для вашего превосходительства сегодня прибора нѣтъ», и сконфуженный начальникъ штаба принужденъ былъ послать за молокомъ и кускомъ хлѣба. Эту исторію передалъ мнѣ слуга, завѣдывавшій назначеннымъ для Клейнмихеля флигелемъ, въ которомъ и я впослѣдствіи останавливался.

Графъ любилъ блеснуть и показать все въ лучшемъ видѣ, обманывалъ посѣтителей, обманывалъ и государя, но не сердился, ежели кто ухитрялся и его обмануть. Такъ, однажды при посѣщеніи госпиталя онъ сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за то, что много лежащихъ, и надѣется, что при будущемъ посѣщеніи столько трудныхъ больныхъ не найдетъ. Что было дѣлать? надобно было его обмануть, и это было не трудно, такъ какъ графъ уже послѣ

развода въ манежѣ заходилъ въ госпиталь. За полчаса до его прихода, надобно было больныхъ, могущихъ стоять, помѣстить на скамейкахъ между выздоравливающими. Графъ, поздоровавшись, окинулъ взглядомъ всю палату, и увидя только 3-хъ или 4-хъ лежащихъ, сказалъ: «Благодарю, теперь у васъ мало лежащихъ», а полковникъ Чевакинскій, посѣтившій еще утромъ госпиталь и увидѣвъ довольно много трудныхъ, усмѣхнулся при выходѣ графа изъ палаты, ибо понялъ въ чемъ дѣло. Но что послѣ подобныхъ осмотровъ число трудныхъ усиливалось, графъ и знать не хотѣлъ, а показать въ суточныхъ рапортахъ было рисковано.

Къ людямъ, въ которыхъ графъ нуждался, былъ онъ необыкновенно вѣжливъ и снисходителенъ, не только съ инженерами, архитекторами, механиками, но и съ простымъ мужикомъ-подрядчикомъ ходилъ подъ руку, выслушивалъ ихъ совѣты, хотя и торговался, но все-таки предоставлялъ имъ значительныя выгоды. При посѣщеніи графомъ только-что отстроеннаго лѣсопильно-мукомольнаго завода на рѣкѣ Волчаковѣ, жаловался ему, какъ надобно было полагать, начальникъ онаго инженеръ-майоръ Шахардинъ, любимецъ графа, на механика-машиниста англичанина Глина. Послѣ подробнаго осмотра завода, приказано было Глину явиться въ такъ-называемый государевъ домъ, выстроенный на высокомъ курганѣ, въ 1/4 версты отъ завода. Глинъ явился, засталъ у графа Шахардина. Графъ встрѣтилъ Глина сурово, сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, что онъ къ начальству непочтителенъ и съ полезными людьми ужиться не можетъ, и грозилъ ему даже гауптвахтою.

— «На гауптвахту не хочу, у меня въ Петербургѣ удобная квартира, а въ Лондонѣ домъ! отвѣчалъ Глинъ. У вашего же Шахардина языкъ колокольчикъ (т.-е. болтунъ и сплетникъ), а голова вотъ что!» ударилъ пальцемъ по столу и вышелъ.

Графъ, чувствуя, что онъ безъ Глина обойтись не можетъ, звалъ его вторично къ себѣ, извинялся, что погорячился и просилъ его остаться; но гордый англичанинъ не долго служилъ и возвратился въ Англію.

Изъ Новгорода ѣздилъ я нерѣдко въ Грузино, не оттого, чтобы графъ не имѣлъ полной довѣренности къ состоящему при немъ врачу, его же имени полка, Степану Петровичу Орлову, но оттого, что графъ началъ сомнѣваться въ искренней къ нему пре-

данности Орлова, подозрѣвая его въ интимныхъ сношеніяхъ съ племянницею Настасьи Ѳедоровны, Татьяною Борисовною, несмотря на то, что Орловъ имѣлъ молодую, красивую и пріятную жену; но графъ вѣрилъ сплетнямъ людей, нелюбившихъ Орлова за его аккуратность и строгость, какъ дворовымъ, такъ и крестьянамъ графскаго имѣнія. Всѣ эти дрязги кончились однако же тѣмъ, что ни въ чемъ невиновную, скромную и тихую Татьяну Борисовну отправили въ новгородскій свято-духовъ монастырь, къ игуменьѣ Максимиллѣ Петровнѣ Шишкиной, будто для обученія рукодѣлію, а меня просилъ не оставить ее, въ случаѣ надобности. Послѣ же смерти графа наша плѣнница вышла замужъ за поручика Андреева, боровичскаго помѣщика.

Ежели графу необходимо было остаться на нѣсколько дней въ штабѣ короля прусскаго полка, то онъ возилъ съ собою и флигель-адъютанта М. Шумскаго, а меня просилъ заниматься съ нимъ шведскимъ разговорнымъ языкомъ, ибо состоящій при немъ учитель шведскаго языка А. Вульфертъ возвратился въ Финляндію. Какую графъ имѣлъ цѣль, не понимаю, но полагаю, что онъ желалъ приготовить Шумскаго къ одной изъ административныхъ должностей въ Финляндіи. Шумскій, какъ извѣстно, спился, отправленъ былъ на Кавказъ, и вышедши въ отставку, шлялся по новгородскимъ монастырямъ; былъ на Валаамѣ и въ Соловецкомъ монастырѣ, пробовалъ заняться частно въ одномъ изъ новгородскихъ присутственныхъ мѣстъ, кажется, въ казенной палатѣ, но не могъ, ибо сдѣлался совершеннымъ идіотомъ, забылъ все, даже французскій языкъ, а объ другихъ и говорить нечего. Графомъ назначено было ему 1,200 руб. ассигнаціями, и ежели бы не эта пагубная его страсть, то онъ все-таки могъ бы кое-какъ существовать. Куда онъ впослѣдствіи времени дѣвался, не знаю, но вѣроятно давно уже умеръ. Какъ-то разъ вечеромъ зашелъ графъ въ госпиталь въ то время, когда я занимался съ Шумскимъ. Я долженъ былъ встрѣтить и провожать графа; но каково же было мое удивленіе, когда я, возвратившись, нашелъ Шумскаго пьянымъ, ибо, видя мой шкафъ незапертымъ, онъ воспользовался случаемъ и выпилъ почти полбутылки рому. Насилу дотащилъ я его съ деньщикомъ на другую половину графскаго флигеля, приказавъ его раздѣть и уложить; явиться же къ утреннему чаю онъ не могъ и приказалъ

доложить графу, что бывши вчера у меня сильно угорѣлъ. Графъ повѣрилъ, но при выѣздѣ изъ штаба сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе.

По выступленіи короля прусскаго полка противъ польскихъ мятежниковъ, просилъ меня нашъ бригадный командиръ, генералъ фонъ-Фрикенъ, посѣщать его жену Анну Григорьевну, оставшуюся съ дѣтьми въ Собачьихъ-горбахъ (бригадная квартира, въ 3-хъ верстахъ отъ штаба короля прусскаго полка) и не оставить ихъ въ случаѣ надобности. При посѣщеніи г-жи Фрикенъ, познакомилась и моя жена съ его сіятельствомъ, тѣмъ охотнѣе, что Алексѣй Андреевичъ былъ въ женскомъ обществѣ необыкновенно вѣжливъ, предупредителенъ и всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Замѣтивъ мою жену въ интересномъ положеніи, онъ предлагалъ Аннѣ Григорьевнѣ быть съ нимъ воспріемниками будущаго ребенка, а женѣ пріѣхать съ Анною Григорьевною погостить въ Грузино. Графъ исполнилъ свое обѣщаніе и былъ воспріемникомъ моей дочери съ Анной Григорьевной, въ честь которой и графини Орловой, у которой я былъ врачемъ, наречена Анной.

Устройство военныхъ поселеній обратило на себя вниманіе иностранныхъ державъ. Ежегодно, особенно лѣтомъ, пріѣзжали аккредитованныя лица; присутствовали, какъ водилось, сперва на парадѣ, потомъ возили ихъ повсюду, показывали церковь, манежъ, юнкерскую школу, госпиталь, ферму, офицерскія флигеля и общую для нихъ столовую. Въ 1830-мъ году удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ наслѣдный принцъ шведскій Оскаръ, впослѣдствіи король Карлъ XIV, въ сопровожденіи графа Вреде, адъютанта и доктора. Генералъ Клейнмихель водилъ ихъ повсюду, показалъ, между прочимъ, и госпиталь. Графъ Вреде и адъютантъ, замѣтивъ въ корридорахъ красной мѣди особеннаго устройства рукомойники, начали между собою споръ. Адъютантъ утверждалъ, что это русскія чайныя машины, т.-е. самовары, а графъ Вреде— что это рукомойники. Я, шедшій рядомъ, сказалъ адъютанту пошведски, что это дѣйствительно рукомойники. Принцъ, услыхавъ незнакомый ему голосъ, говорившій по-шведски, спросилъ: «кто это говоритъ по нашему?» Графъ показалъ на меня и принцъ просилъ меня подойти къ нему поближе и спросилъ откуда я, и гдѣ воспитывался?

— Я изъ Финляндіи, ваше высочество, воспитывался перво-

начально въ абоскомъ университетѣ и кончилъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи.

— «Очень радъ съ вами познакомиться, тѣмъ болѣе, что я бывшій упсальскій студентъ и мы съ вами сосали одно и тоже молоко!» (такъ какъ абоскій университетъ тогда еще пользовался матрикулами шведскихъ университетовъ, изданныхъ въ 1655 году, въ царствованіе Карла-Густава); просилъ меня проводить повсюду, любопытствовалъ о житьѣ-бытьѣ поселянъ, но я счелъ благоразумнѣе держать языкъ за зубами, или выставить все въ лучшемъ видѣ, или дать двусмысленные отвѣты. Принцу понравились свѣтложелтые полы въ палатахъ и онъ просилъ меня приказать, къ возвратному его пути изъ Новгорода и Юрьева монастыря, приготовить образцовую дощечку, окрашенную краскою и мастикою, ибо онъ желалъ имѣть у себя въ больницахъ такіе-же полы. Изъ госпиталя отправился принцъ въ церковь, юнкерскую школу, присутствовалъ при гимнастическихъ занятіяхъ и плаваніи юнкеровъ, а доктору совѣтовалъ сдѣлать мнѣ визитъ и провести у меня время за вечернимъ чаемъ. Докторъ былъ веселаго характера, любилъ музыку—и вечеръ прошелъ незамѣтнымъ образомъ. На другое утро отправился принцъ съ генераломъ Клейнмихелемъ и со всею свитою въ Новгородъ, а на третій день возвратился въ штабъ короля прусскаго полка, зашелъ опять въ госпиталь любоваться полами; рапорта вторично отъ меня не принялъ, приготовленную дощечку просилъ передать доктору, а послѣ обѣденнаго стола отправился обратно въ Петербургъ.

Во время бунта военныхъ поселянъ австрійскаго и короля прусскаго полковъ, графъ находился въ Грузинѣ, но узнавъ, что нѣсколько троекъ назначены для поимки его, ускакалъ въ Тихвинъ, а не въ Новгородъ, какъ сказано въ брошюрѣ «Графъ Аракчеевъ», ибо по шоссе онъ проѣхать не могъ, такъ какъ тамъ поставлены были поселянами пикеты; по усмиреніи же мятежа, т.-е. скоро послѣ проѣзда государя, возвратился въ Новгородъ и остановился на Софійской сторонѣ, въ гостинницѣ купца Морошкина. Поговаривали, будто-бы губернаторъ А. У. Денферъ, узнавъ о пріѣздѣ графа, послалъ къ нему полиціймейстера съ просьбою о выѣздѣ изъ города, такъ какъ присутствіе его сіятельства могло быть опаснымъ для жителей, безъ того уже боявшихся нападенія со стороны поселянъ. Можете себѣ представить гнѣвъ и злость

графа, которому, несмотря на то, что онъ уже не былъ въ силѣ, все еще по старой привычкѣ кланялись и раболѣпствовали. Графъ отправилъ тотчасъ эстафету въ Петербургъ; ему разрѣшено было остаться въ Новгородѣ, а губернатору выставили его опрометчивость на видъ. Во время своего пребыванія въ Новгородѣ, графъ ни къ кому не ѣздилъ и никого не принималъ; заѣзжалъ иногда ко мнѣ по вечерамъ и любилъ играть въ бостонъ по грошу. Хотя графъ и былъ увѣренъ въ своей безопасности въ Новгородѣ, но тѣмъ не менѣе опасался за свою шкатулку, которую передалъ мнѣ и просилъ хранить въ безопасномъ мѣстѣ. Спрятавъ шкатулку подъ кровать, я очень обрадовался, когда графъ, нѣсколько дней спустя, самъ пріѣхалъ за шкатулкой, причинявшей намъ много безсонныхъ ночей. Не хорошо быть богатымъ, но еще хуже хранить чужое, можетъ быть милліонное богатство. Не помню долго-ли графъ прожилъ въ Новгородѣ, но помню, что разъ вечеромъ, выходя отъ меня, задѣлъ воротникомъ шинели за какой-то почти незамѣтный гвоздь въ дверяхъ, разсердился и сказалъ:

— «Вотъ какія у тебя неисправности; эту шинель снялъ со своихъ плечъ покойный государь на полѣ сраженія въ 1812 году и подарилъ мнѣ, и эту драгоцѣнность пришлось мнѣ разорвать у тебя. Прощай, никогда болѣе къ тебѣ не пріѣду».

И дѣйствительно не былъ, но предъ своимъ отъѣздомъ звалъ меня и жену на прощальный обѣдъ, былъ веселъ и любезенъ и просилъ меня, въ случаѣ надобности, пріѣхать въ Грузино.

По усмиреніи бунта въ Старой-Русѣ, возвратился въ Новгородъ генералъ Эйлеръ, въ сопровожденіи резервнаго баталіона карабинернаго полка, для начальствованія надъ войсками. Нѣсколько дней спустя, явился при мнѣ къ графу адъютантъ генерала Эйлера, штабсъ-капитанъ П. Н. Манкошевъ съ докладомъ: когда его сіятельству угодно будетъ принять начальствующаго надъ войсками.

— «Благодарите вашего генерала за оказанную мнѣ честь, но съ моей стороны было бы непростительно отрывать вашего генерала отъ столь важныхъ государственныхъ дѣлъ. Честь имѣю кланяться!» и ушелъ въ свой кабинетъ, а адъютанту пришлось передать саркастическій отвѣтъ графа Эйлеру.

Генералъ фонъ-Фрикенъ, возвратившись изъ польскаго похода, остался по прежнему въ хорошихъ и даже дружескихъ отноше-

ніяхъ къ графу. Возвратившись какъ-то разъ изъ Грузина, онъ передалъ мнѣ желаніе графа, чтобъ я оставилъ службу и переѣхалъ къ нему, предлагая мнѣ 2,500 руб. ассигнаціями, безъ прислуги, кромѣ одной кухарки. Ѳедоръ Карловичъ хотя и зналъ, что я на этихъ условіяхъ у графа остаться несогласенъ, тѣмъ болѣе, что при феодальномъ управленіи въ Грузинѣ за чертою селенія ничего не дозволялось покупать, но тѣмъ не менѣе передалъ мнѣ желаніе графа. Я просилъ генерала Фрикена поблагодарить графа за оказанную мнѣ честь и передать, что я на этихъ условіяхъ у него остаться не могу, что вѣроятно онъ и исполнилъ. Но, несмотря на сіе, пріѣхалъ ко мнѣ, нѣсколько дней спустя, домашній докторъ графа г. Орловъ, мой сослуживецъ въ графскомъ полку. Первое его привѣтствіе было:

— «Поздравляю тебя, ты назначенъ состоять при графѣ, а мнѣ предписано принять отъ тебя госпиталь. Вотъ тебѣ предписаніе медицинскаго департамента съ приложеніемъ высочайшаго приказа; распорядись какъ знаешь».

— Я въ Грузино не поѣду, былъ мой отвѣтъ, ибо ты хорошо знаешь, какое тамъ житье и какъ неделикатно графъ обращается съ врачемъ; пріѣзжай завтра въ госпиталь и вручи мнѣ бумаги въ конторѣ.

— «Прощай, братъ, завтра увидимся!» былъ отвѣтъ Степана Петровича.

Я не зналъ, что и начать, но подумавъ немного, поѣхалъ, хотя уже довольно поздно, къ генералъ-лейтенанту Данилову и разсказавъ въ чемъ дѣло, просилъ его превосходительство уволить меня хотя на 4 дня въ Петербургъ; на что онъ и согласился, хотя былъ вполнѣ увѣренъ, что всѣ мои хлопоты отдѣлаться отъ графа ни къ чему не поведутъ, тѣмъ болѣе, что высочайшій приказъ уже состоялся, а между тѣмъ приказалъ меня снабдить билетомъ. Прибывъ на другой день въ контору госпиталя, я засталъ тамъ г. Орлова, который мнѣ и вручилъ вышеозначенные документы при своемъ отношеніи, на которое я увѣдомилъ, что я еще вчера уволенъ генералъ-лейтенантомъ Даниловымъ въ С.-Петербургъ на 4 дня и до моего возвращенія приказалъ приготовить все необходимое для сдачи госпиталя, и передавъ свою должность, отправился въ Грузино, куда прибылъ около 6-ти часовъ пополудни и остановился въ домѣ для пріѣзжаю-

щихъ, въ такъ-называемой гостинницѣ. Съ полчаса спустя, пришелъ грузинскій полиціймейстеръ, г. Макаріусъ, котораго я просилъ доложить графу о моемъ пріѣздѣ и назначить, когда его сіятельству угодно будетъ меня принять. Г. Макаріусъ возвратился скоро и передалъ мнѣ желаніе графа видѣть меня теперь же, такъ какъ чай уже поданъ. Одѣвшись противъ обыкновеннаго въ мундиръ, я засталъ графа за чайнымъ столомъ; увидѣвъ меня въ полной формѣ, онъ спросилъ:

— «Что это у тебя, братецъ, новый мундиръ, что-ли, что пріѣхалъ въ мундирѣ?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, но бывъ назначенъ состоять при особѣ вашей, долгомъ счелъ явиться; при чемъ я сообщилъ ему переданное мнѣ предписаніе медицинскаго департамента и высочайшій приказъ.

— Не думалъ я, чтобы государь такъ скоро исполнилъ мою просьбу. Спасибо Якову Васильевичу Вилліе за его дружбу ко мнѣ, больному старику. Вы уже совсѣмъ изъ Новгорода?

— Никакъ нѣтъ, и ежели ваше сіятельство позволите, то мнѣ нужно бы предварительно побывать въ Петербургѣ по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ.

— «Хорошо, но пожалуйста поторопись, ибо Орловъ отъ меня уже отчисленъ».

— Слушаю, ваше сіятельство; но позвольте мнѣ доложить, что на условіяхъ, переданныхъ мнѣ генераломъ Фрикеномъ, я у васъ служить не могу. Вы даете мнѣ 2,500 руб. асс. и квартиру, но это для меня недостаточно, такъ какъ всѣ припасы у васъ въ Грузинѣ дороже. Я имѣю теперь уже двоихъ дѣтей и содержу двухъ старухъ, такъ что изъ опредѣленнаго вашимъ сіятельствомъ жалованья я ничего отложить не могу, и совѣсть попрекала бы меня въ томъ, что я, въ угожденіе вашему сіятельству, жертвую благосостояніемъ своего семейства. Прибавьте мнѣ 500 рублей— и я готовъ остаться у васъ до гробовой доски, поберечь васъ, сколько хватитъ знанія и опытности, готовъ пользовать и крестьянъ вашихъ по деревнямъ, какъ мой предмѣстникъ.

— «Ты, братъ, въ Новгородѣ избалованъ, сказалъ графъ: впрочемъ, здѣсь разсуждать нечего, у тебя высочайшій приказъ, и это свято».

— Я это очень хорошо понимаю, былъ мой отвѣтъ: но ка-

кая вашему сіятельству охота имѣть при себѣ врача, которому вы довѣряете свою жизнь, противъ его воли и желанія. Я обязанъ у васъ служить, но 1-го сентября подамъ въ отставку и все-таки вашему сіятельству придется искать себѣ другого врача.

Графъ, повидимому, разстроился, нахмурилъ брови и сказалъ:

— «Пора спать, скоро 10-ть часовъ. Утро вечера мудренѣе, ступай въ свой флигель и явись къ утреннему чаю, т.-е. къ 6-ти часамъ, тогда потолкуемъ!» и пожелавъ доброй ночи ушелъ.

Не спавши почти всю ночь, я долженъ былъ явиться къ графу къ 6-ти часамъ и засталъ его за столомъ съ чайникомъ въ рукѣ, ибо послѣ трагической смерти Настасьи Ѳедоровны онъ рѣдко кому довѣрялъ приготовить чаю, развѣ только приѣзжимъ дамамъ или Татьянѣ Борисовнѣ, которой онъ вполнѣ вѣрилъ. Походивши по комнатѣ съ четверть часа, и посматривая на меня какою-то насмѣшливою и язвительною улыбкою, спросилъ:

— «Хорошо-ли я обдумалъ вчерашній разговоръ?»

— Какъ-же, ваше сіятельство, но, къ сожалѣнію, я долженъ вамъ объявить, что, несмотря на ваше ко мнѣ благодѣяніе и ласки, я у васъ долѣе сентября остаться не могу. Извините мой дерзкій отзывъ, но я говорю отъ души, какъ отецъ семейства.

Графъ перемѣнился въ лицѣ, ибо онъ дѣйствительно былъ тронутъ моимъ отвѣтомъ.

— «Не ожидалъ я этого отъ тебя, любезный кумъ, сказалъ графъ, началъ ходить по комнатѣ, и послѣ нѣкотораго раздумья спросилъ: кто-же назначенъ на ваше мѣсто въ Новгородъ?»

— Г. Орловъ! былъ мой отвѣтъ.

— «Какой Орловъ?»

— Вашъ бывшій врачъ, Степанъ Петровичъ.

— «Гм! Гм! Гдѣ-же въ настоящее время вашъ госпиталь?»

— Въ порожнихъ строеніяхъ бывшей фабрики.

— «Какъ? Слѣдовательно стѣна объ стѣну съ Духовымъ монастыремъ?»

— Точно такъ.

Графъ, подумавъ недолго, проговорилъ вполголоса: «этому не бывать!»

— «Знаете-ли вы, за что я просилъ удалить отъ себя Орлова?»

— Слыхалъ кое-что, но мнѣ что-то не вѣрится.

— «Но это такъ, и потому я отправилъ Татьяну въ Духовъ

монастырь, а теперь предстоитъ имъ опять случай видѣться и возобновить прежнія отношенія; но этому никогда не бывать. Я хотѣлъ ихъ разлучить, но ваше начальство соединило ихъ опять. Шутить что-ли надо мною, старикомъ, хотѣли?»

Графъ, повидимому, былъ вполнѣ увѣренъ, что всѣ грузинскія сплетни должны быть извѣстны и медицинскому департаменту, который, чуждый всѣмъ грузинскимъ происшествіямъ, назначилъ Орлова въ Новгородъ, а меня въ Грузино.

— Позвольте мнѣ теперь отправиться, ибо я уволенъ только на четыре дня и г. Орловъ ждетъ меня въ Новгородѣ?

— «Подождите немного, зайдите въ церковь или въ библіотеку, гдѣ найдете разныя новыя модели и рисунки».

Я зашелъ въ церковь, гдѣ подъ бюстомъ императора Павла сторожъ показалъ мнѣ будущую могилу графа, а подлѣ ее и могилу зарѣзанной Настасьи Ѳедоровны. Полъ въ церкви чугунный, составленный изъ ромбоидовъ. Сторожъ замѣтивъ, что я обратилъ вниманіе на желтое колечко, прикрѣпленное къ одному ромбоиду, предложилъ мнѣ поднять оный. Подъ ромбоидомъ, на вызолоченной дощечкѣ, надъ могилою Настасьи Ѳедоровны, была надпись: здѣсь погребенъ 25-ти-лѣтній мой другъ, Настасья Ѳедоровна, убіенная своими людьми въ сентябрѣ 1825 года. Графъ заходилъ каждое утро въ церковь, поклониться праху 25-ти-лѣтнему своему другу и возобновлялъ увядшіе цвѣты свѣжими. Въ день смерти Настасьи Ѳедоровны, графъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка и тотчасъ послѣ обѣда намѣревался отправиться по другимъ округамъ, но прискакавшій грузинскій голова объявилъ о случившемся главному доктору военныхъ поселянъ К. Х. Долеру, другу графа, который подъ видомъ внезапной болѣзни Настасьи Ѳедоровны насилу могъ уговорить графа возвратиться въ Грузино. Недоѣзжая нѣсколько верстъ, объявили графу о случившемся несчастіи. Графъ остолбенѣлъ, но черезъ нѣсколько минутъ началъ рыдать, рвать на себѣ волосы, бросился безъ фуражки изъ кареты, такъ что Долеръ и лакей насилу могли его удержать. Что было въ Грузино, не знаю.

Вышедши изъ церкви, я зашелъ къ графу, который вручилъ мнѣ письмо къ Якову Васильевичу и просилъ передать свой поклонъ. Я отправился тотчасъ же и на другой день явился въ ме-

дицинскій департаментъ, къ дежурному генералу и въ департаментъ военныхъ поселеній. Отовсюду одинъ вопросъ:

— «Вы изъ Грузино?»

— Точно такъ.

— «Хорошо, что исполнили такъ скоро волю государя».

Около двухъ часовъ явился къ Якову Васильевичу Виллié. Тотъ же вопросъ:

— «Вы уже совсѣмъ переѣхали?»

— Никакъ нѣтъ.

— «Пожалуйста поторопитесь, ибо вы знаете, что графъ безъ врача долго оставаться не можетъ».

— Графъ просилъ передать вашему превосходительству свой дружескій поклонъ и вручить это письмо.

Яковъ Васильевичъ прочелъ письмо, взялъ свое увеличительное стекло, прочелъ вторично и задумался.

— «Вы увѣрили меня, что графъ здоровъ, но мнѣ кажется, что онъ съума сошелъ?»

— Не думаю, былъ мой отвѣтъ, ибо при моемъ выѣздѣ, вчера вечеромъ, я ничего особеннаго не замѣтилъ.

— «Знаете-ли вы содержаніе этого письма?»

— Никакъ нѣтъ.

— «Графъ проситъ меня объ одной милости у государя: оставить васъ на прежнемъ мѣстѣ въ Новгородѣ, обѣщая уже болѣе не безпокоить государя о назначеніи ему врача. Скажите, пожалуйста, что за причина столь быстраго и крутого поворота? Можетъ быть вы сами умоляли графа остаться въ Новгородѣ?»

— Я и подумать не смѣлъ,—и разсказалъ подробно всю исторію съ Татьяною Борисовною, прибавивъ, что болѣе всего разсердило графа вѣроятно то, что Орловъ, вопреки его предположеніямъ, назначенъ въ Новгородъ, а не въ Сибирь или на Кавказъ. За обѣдомъ Виллié разсказалъ всю эту исторію своимъ знакомымъ, которые отъ души смѣялись, а хозяинъ остался не въ духѣ. Я возвратился прямо въ Новгородъ и вступилъ въ прежнюю должность; Орловъ назначенъ былъ, кажется, въ Чугуевскій госпиталь, а графъ нанялъ для себя вольнопрактикующаго врача, который не долго выдержалъ. Графъ, оставшись безъ врача, обращался къ состоящему при департаментѣ военныхъ поселеній, бывшему имени его полка, доктору К. П. Миллеру, а иногда и ко мнѣ.

Въ домашнемъ быту графъ былъ необыкновенно мелоченъ и аккуратенъ; все у него дѣлалось по часамъ, онъ любилъ порядокъ и чистоту, особенно же пыли нигдѣ терпѣть не могъ. Онъ былъ болѣе скупъ, нежели даже слѣдовало бы при его средствахъ, ибо часто вмѣсто свѣжаго жаркого подавали соленую телятину, а вмѣсто пирожнаго—гречневую кашу съ сахаромъ; рюмки же для вина были чисто гомеопатическія и не каждый изъ обѣдающихъ удостоивался получить рюмку вина или ликеру; за то на званомъ обѣдѣ существовала роскошь русскаго магната: все подавалось на серебрѣ или лучшемъ китайскомъ фарфорѣ, вино отличное, рѣдкое, равно и фрукты.

Что же касается до характера графа, то онъ былъ непостояненъ, зависѣлъ отъ его занятій, окружающихъ его людей, другихъ обстоятельствъ, которыя вліяли на расположеніе его духа, такъ-что съ точностью опредѣлить свойство его характера трудно, тѣмъ болѣе, что онъ всегда былъ озабоченъ государственными дѣлами, да, сверхъ того, страдалъ разстройствомъ всей нервной системы, застоемъ печени и рефлективнымъ страданіемъ сердца; отъ этого происходили его мнительность, недовѣрчивость, безсонныя ночи, тоска и біеніе сердца. Хотя вспыльчивость иногда и доводила графа до изступленія, но злопамятнымъ и мстительнымъ къ людямъ, ниже его стоящимъ, никогда не былъ. Къ поселянамъ былъ снисходителенъ; такъ, замѣтивъ какой-нибудь безпорядокъ въ домѣ или около, дѣлалъ имъ только замѣчанія и предостерегалъ ихъ отъ взгляда графа Клейнмихеля или полкового командира. Поэтому графа и не такъ боялись и всю вину строгостей приписывали ближнимъ начальникамъ, которымъ графъ Клейнмихель внушалъ быть по возможности строже, а самъ оставался въ сторонѣ, сваливъ все съ больной головы на здоровую. Графъ былъ необыкновенно впечатлителенъ; такъ, при разсказѣ какой-нибудь печальной исторіи, онъ прослезится, бывало, какъ дитя, но замѣтивъ, что у какой-нибудь 10-ти-лѣтней дѣвчонки дорожки въ саду не такъ чисто выметены, въ состояніи былъ приказать строго ее наказать, но опомнившись, приказывалъ выдать ей пятачокъ. Это было при мнѣ; но всегда ли графъ такъ поступалъ, не знаю. Графъ, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, имѣлъ обыкновеніе награждать исправныхъ хозяекъ-посе-

лянокъ за чистоту пятачкомъ, и эту награду цѣнили какъ царскую милость.

Вотъ все, что я могъ вспомнить о моей службѣ въ военномъ поселеніи съ 1820 и до конца 1832 годовъ. Можетъ быть мой разсказъ содержитъ въ себѣ много лишняго, собственно до меня касающагося, можетъ онъ мелоченъ, что касается личности графа; но именно эти мелочи обрисовываютъ характеръ этого государственнаго дѣятеля, государю и отечеству безъ лести преданнаго (девизъ герба графа Аракчеева).

Ив. Европеусъ.

Сельцо Покровское,
близъ г. Краснаго-Холма.

Сообщаемъ кстати послѣ интересныхъ записокъ г. Европеуса акростихъ на Аракчеева, составленный около 1823 года и бывшій въ большомъ обращеніи между армейскими офицерами того времени. Онъ записанъ со словъ Якова Ник. Сухотина. **Ред.**

Аггеловъ племя,
Рыцарь бѣсовъ,
Адское сѣмя,
Ключъ всѣхъ оковъ.
Чувствъ не имѣя,
Ѣшь ты людей;
Ехидны злѣе
Варваръ, злодѣй!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма гр. Аракчеева къ Европеусу.

1. Любезной другъ, Иванъ Исаковичъ. Посылаю тебѣ дрожки на перевозъ; сдѣлай дружбу, съѣзди въ Духовъ монастырь, тамъ больна Танюша; посмотри ее, и пропиши ей лекарство, за что я буду весьма благодарной. Г. А.

Вторникъ.

2. Милостивой государь, Иванъ Исаковичъ. Поздравляю васъ съ новорожденною дочерью и съ наступающимъ праздникомъ, желаю вамъ и супругѣ вашей доброго здоровья. Благодарю за приглашеніе и съ удовольствіемъ желаю быть воспріемникомъ вашей дочери съ любезною Анною Григорьевной. Но не могу теперь назначить время; ибо, во-первыхъ, Анна Григорьевна нездорова, то и надобно дать ей оправиться; а во-вторыхъ, графиня Анна Алексѣевна Орлова обѣщалась ко мнѣ пріѣхать на праздникахъ, изъ Новагорода, то я и не знаю времени, когда она ко мнѣ пріѣдетъ; то послѣ середы я увѣдомлю васъ, любезнаго друга, чрезъ нарочнаго, къ вамъ посланнаго, о времени, когда мнѣ пріѣхать будетъ возможно.

Съ почтеніемъ пребуду навсегда вашъ покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Прилагаемое письмо прошу отдать.

Грузино.
18 апрѣля (1831 года),
въ 8 часовъ вечера.

II.

Письмо бар. Вилліе къ гр. Аракчееву.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ Поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что я имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія государя императора полученное мною отъ васъ письмо. Его величество, прочитавъ оное, изволилъ благосклонно принять просьбу вашу и высочайше повелѣлъ мнѣ немедленно исполнить оную, отчисленіемъ отъ васъ состоящаго нынѣ при вашемъ сіятельствѣ штабъ-лекаря Орлова и опредѣленіемъ на его мѣсто къ вамъ или старшаго лекаря новгородскаго военнаго госпиталя Европеуса, или другого медика, къ кому вы имѣете довѣренность и кто добровольно согласится принять сіе мѣсто и пещись о сохраненіи вашего здоровья. Г. Европеусъ прослужилъ понынѣ отлично и пріобрѣлъ хорошую опытность, его поведеніе доселѣ было неукоризное, онъ отецъ довольно большаго семейства, для содержанія коего приличнымъ образомъ требуется немалыхъ средствъ, по сей причинѣ я осмѣливаюсь поручить г. Европеуса въ особенное покровительство и щедролюбіе вашего сіятельства и проч.

Декабря 8-го дня 1832 года.

Его сіятельству графу А. А. Аракчееву.